

Соотношение общего и документального источниковедения должно, с нашей точки зрения, определяться применительно к конкретному объекту познания, которым может являться практически любое документированное событие. В частности, применительно к истории формирования и развития системы государственного аппарата и административного управления документы, обладающие удостоверяющими их подлинность реквизитами, имеют приоритетное значение, потому что их функциональность определяется вполне конкретными, нормативно установленными признаками. Их наличие при этом может быть удостоверено на внешнем уровне в процессе анализа формуляра документов, а также на основе их происхождения, императивной направленности и соотнесенности с конкретными объективными явлениями, нуждающимися в регулировании. Тексты, представленные в рамках периодических изданий, мемуарных и дневниковых записей, будут рассматриваться при этом в отношении истории государственности в качестве имеющего субъективную сущность комментария к происходившим событиям, что собственно и будет определять их ценность и информационный потенциал.

Аналогичным образом соотношение общего и документального источниковедения будет проявляться и в отношении других типов информационных ресурсов. В частности, в условиях современного визуального поворота в восприятии ушедшей в прошлое и окружающей действительности архаичным выглядит характерное для позитивистской методологической концепции прикрепление содержания фото- и кинодокументов, а также в еще большей степени широкого круга изобразительных источников к уже имеющемуся историческому знанию для его дополнительной верификации. В условиях сформированности и высокой степени изученности хроникальных съемок, относящихся, например к событиям второй российской революции, особую ценность с точки зрения феноменологии и экзистенциального подхода приобретают те произведения, авторы которых не просто зафиксировали происходившие перед объективом события, но и проявили интенцию к их творческому осмыслению. Именно такое широкое восприятие ценности изобразительных и аудиовизуальных источников, которое на основании междисциплинарного исследовательского подхода было намечено в работах бывшего одновременно историком-архивистом и кинодраматургом Л. М. Рошаля, выглядит наиболее перспективным в рамках современной практики исторического познания.

Таким образом, изучение связи между общим и документальным источниковедением в контексте развития гуманитарного знания как о создателях, так и о потребителях исторической информации является актуальным не только в своем самостоятельном качестве, но и применительно к общетеоретическим вопросам развития исторической науки. Совершенно очевидным представляется тот факт, что стремящийся к познавательной деятельности человек движется от восприятия и создания всей совокупности источников к формированию их документальной части или напротив к созданию творческих произведений, целью которых стала бы не фиксация, а творческая интерпретация различных фактов и явлений. При этом с точки зрения имеющего очевидную ценность восприятия источниковедения в качестве особой отрасли гуманитарного знания совершенно не очевидным является выдвигание в качестве наиболее ценных свидетельств тех текстов, которые имеют формально удостоверенный статус объектов истинного знания о прошлом.

1. Архив Российской академии наук (РАН) – Ф. 1820. Оп. 1. Д. 164. Л. 7.
2. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003 – С. 125.
3. Козлов, В. П. Некоторые вопросы документального источниковедения в научном наследии А. А. Зимины / В. П. Козлов // Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию со дня рождения А. А. Зимины: материалы международной научной конференции. Архив РАН-РГГУ // сост. И. Н. Ильина; редкол.: В. П. Козлов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Архив РАН, 2020 – С. 94.
4. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – С. 10–11.
5. Тарновский, К. Н. Социально-экономическая история России: Начало XX в.: Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов / К. Н. Тарновский. – М.: Наука, 1990. – С. 10.

Маджаров А. С.

«ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ» В МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

Введение. Исторические прогнозы Н. А. Бердяева

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – выдающийся мыслитель, теоретик и практик освободительного движения в России после революции 1917 г., в 1922 г. был выслан из страны и работал в Берлине, Париже.

В философии «русский Гегель XX в.» развивал экзистенциальное (от лат. existentia – существование) направление философии истории.

Зимой 1919–1920 гг. Бердяев высказался о будущем нового, зарождающегося общественного строя. Прогноз был неутешительным. «Можно заранее с уверенностью сказать, – писал ученый, – что... не удастся никакой социализм». Он «будет совсем не тем, к чему социалисты стремятся», «не осуществит... освобождения труда, ...не приведет человека к богатству», равенству, а «создаст лишь новую вражду между людьми, новую разобщенность и новые неслыханные формы гнета» [5, с. 155].

Спустя два десятилетия, в 1943г. во Франции, философ вновь коснулся перспектив социализма. Он определил место этого строя в русской истории и отношение нему в посткоммунистический период.

«В коммунизме, – писал философ, – есть своя правда и своя ложь. Правда – социальная, раскрытие возможности братства людей и народов, преодоления классов; ложь же – в духовных основах...Коммунизм... момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа... преодолен, а не уничтожен. В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма, но освобожденная ото лжи» [3, с. 295].

Научное предвидение, которое демонстрировал Бердяев в своих работах, свидетельствует о наличии сильных сторон в его методологии историко-философских изысканий, о необходимости ее специального исследования.

О творчестве ученого писали Аксельрод Л. И., Лосский Н. О., Луначарский А. В., Мережковский Д., Милюков П. Н., Михайловский Н. К., Плеханов Г. В., Розанов В. В., Сорокин П. А., Степун Ф. А., Трубецкой Е. Я., Федотов Г. П., Франк С. Л., Шестов Л. И. и другие. В последние годы исследованием творческого наследия Бердяева занимались Ермичев, А. А., авторы сборника статей о философе под редакцией В. Н. Поруса, Евлампиев И. И., Маджаров А. С. и другие. [6, 7, 8, 9].

Трудами Бердяева интересовались преимущественно философы. Однако его прикладная методология исторического исследования не менее интересна для историографии. Сочинения ученого тесно связаны с историей России, отечественной литературой, касаются проблемы исторического познания, в частности, значения «предания» в «опознании» прошлого.

В литературе, посвященной Бердяеву, источниковедческий аспект его теоретико-методологических размышлений остался нетронутым. Целью данного исследования является выявление источниковедческих представлений теоретико-методологической доктрины Бердяева.

История, предание и память

Концепция исторического познания Бердяева строилась на его понимании истории как науки, истолковании «исторического». Философ считал, что неверно рассматривать прошлое только как объект. В противовес позитивистам он доказывал, что нельзя «опознать» «историческое» лишь с позиции логики в форме «голого фактического материала» [5, с. 16].

«Историческую реальность» мыслитель видел «духовной», «конкретной», преодолевающей грани «внешней объективной фактичности» и раскрывающей «фактичность идеальную», а «историческое», рассматривал как «откровение о сущности действительности, о судьбе» [5, с. 12, 15, 16, 18].

Ученый напоминал, что личность человека связана памятью, разрушение которой не позволяет «опознать душу человека как некую реальность». Вне «связи памяти», по словам Бердяева, также невозможно опознать и «душу истории», ибо изобличение религиозной жизни, культуры, искусства, по словам ученого, «отрывает человека от истории» [5, с. 20].

В работах «Смысл истории» (1922), «О свободе и рабстве человека» (1939) и других он писал, что научное исследование прошлого опосредовано историческим «памятником», предполагает «соединение с преданиями».

«Историческое предание» (традиция, преемственность) (память о событии, перешедшая устно от предков к потомкам, как заповедь, поучение) (Даль), философ считал носителем «исторической памяти», подчеркивал, что память не существует вне «предания» [5, с. 16].

Традиционную «историческую критику» памятника (предания) Бердяев оценивал как обязательную, «важную и необходимую», а ее результаты характеризовал как «объективно-непреложные», хотя и неокончательные [5, с. 16, 20].

Далее, по его словам, требовалось сделать следующий шаг, говоря современным языком, в источниковедческом исследовании, – выйти за пределы «объективно-научного» «момента» познания [5, с. 20, 21]. Суть этого этапа Бердяев усматривал в выявлении «экзистенциальной субъективности» предания, «опознании» «души истории», по нашей терминологии, – в интерпретации источника.

Для уяснения субъективного начала процесса, Бердяев предлагал опираться на категории, включающие познание в «человеческий» контекст: «предание», «память», «судьба», «душа», а их идеальное содержание раскрывать во взаимосвязи и в динамике. К памятнику, способным помочь исследователю прорваться «через... объективность к экзистенциальной субъективности»

ученый относил, прежде всего, «исповеди, дневники, автобиографии, воспоминания», говоря современным языком – источники личного происхождения [4, 316].

В «предании», в соответствии с развиваемым методом, историк и выявлял «историческую память», которую переносил в «историческую судьбу» [5, с. 16].

Символика предания

В методологии Бердяева, историк, обращаясь к преданию, имел дело с фактом, который определяет традиционная критика, и с символикой внутренней жизни. Установить связь в истории, согласно воззрениям философа, возможно, если опираясь на факт, открыть смысл.

В работе «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1939) Бердяев формулировал проблему «движения мысли историка» от символа к действительности. «Пространственные символы... «высокого» и «низкого», – писал он, – могут выражать... истины нравственного и духовного порядка... в символе «высоты» что-то угадывается о бытии... проблема в том, как от символов перейти к реальностям» [2, с. 288].

Один из путей ее решения исследователь видел в достижении соответствия «сознания» историка, объекту познания, и в своей историографической практике успешно воплощал задачу выявления внутреннего смысла символа [5, с. 21]. Он писал, в частности, о том, что в России, после октября 1917 г., процесс цивилизации совершался «через замену символики религиозно-христианской, символикой коммунистической. Это социокультурное движение масс стало «концом» «старой русской интеллигенции», которая «мечтала» о революции [1, с. 126].

Предание и судьба

В центре историко-философских изысканий Бердяева стояли человек, духовная жизнь, смысл. «Смысл есть лишь в том, – писал ученый, – что во мне и со мной, т. е. в духовном мире» [2, с. 273]. О направлении его исследований свидетельствовали понятия, положенные в названиях книг: «Русская идея», «Смысл истории», «О назначении человека» «О рабстве и свободе человека», «Истоки и смысл русского коммунизма», содержание этих трудов.

Раскрыть суть исторического источника, согласно методологии Бердяева и значило уяснить его смысл. Субъективное, «человеческое» начало, по словам ученого, может быть объяснено, если читать предание в контексте судьбы человека, страны, культуры, ее пространственных, хронологических, нравственных (оценочных) рамках.

В процессе интерпретации источника, историк производил «преображение» и «одухотворение» изучаемого «материала», устанавливал «внутреннюю связь», строил и наполнял духом исторический образ, открывал «душу истории» [5, с. 16].

Философ показал, что вся русская историософская мысль думала над «судьбой человека... в истории», была «религиозной, моральной и социальной» [3, с. 63, 120]. И сам он, следуя в фарватере этой традиции, раскрывал структуру «истории как судьбы». Мыслитель свидетельствовал, что она не является процессом равномерного прямолинейного движения. Напротив, «история» – иррациональна, – писал ученый в работе «Смысл истории» (1922). «Без бурлящего, иррационального начала, «вызывающего борьбу света и тьмы», столкновение противоположностей, и «подлежащего оформлению» «невозможна история» [5, с. 29].

Прошлое являлось для Бердяева не аморфной, безликой формой, а трагической судьбой, которая должна иметь последний акт [5, с. 161]. Он утверждал, что все культуры, переживают зарожение, расцвет, старость и смерть.

Опираясь на исследование предания в контексте «трагической судьбы» философ раскрывал особенности русской истории [3, с. 183]. Согласно его заключениям, высказанным в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937), судьба народа была «несчастной и страдальческой», и осуществлялась «катастрофическим темпом через прерывность и изменение типа цивилизации» [1, с. 7]. «Душа России» являла «бурное стремление к прогрессу, к революции, к последним результатам мировой цивилизации, к социализму» и, вместе с тем, несла «глубокое и острое сознание пустоты, уродства, бездушия и мещанства всех результатов мирового прогресса, революции, цивилизации» [3, с. 62].

В итоге, – подчеркивал он, – «мы видим пять разных России», и а конце каждой – мощный сдвиг [1, с. 7].

Бердяев шел своим путем в жизни и в «опознании исторического», открыл новые грани истории отечества и занял достойное место в отечественной историографии. Он писал о том, как не прервать «связь памяти», не разорвать «предания», и в творческом поиске «смысла» соединил XIX и XXI вв. русской культуры – историю, литературу, философию, духовную традицию.

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990 – 224 с.
2. Бердяев, Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2006 – 637 с.
3. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. – СПб. : Азбука-Классика, 2008 – 320 с.

4. Бердяев, Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. – М. : Книга, 1991 – 446 с.
5. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990 – 175 с.
6. Евлампиев, И. И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. / И. И. Евлампиев. – 2-е изд. – СПб. : Издательство РХГА, 2020. – 920 с.
7. Ермичев, А. А. Три свободы Николая Бердяева / А. А. Ермичев. – М. : Знание, 1990. – 63 с.
8. Маджаров, А. С. История России в теории цивилизаций / А. С. Маджаров. – Иркутск : ИГУ, 2014. – 211 с.
9. Н. А. Бердяев и единство европейского духа / под ред. В. Поруса. – М. : Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. – 336 с.

Тимофеев Д. В.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: ОТ ТЕКСТОВ «ВЕЛИКИХ АВТОРОВ» К ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ

Исследование истории формирования разнонаправленных политических установок, экономических концепций, изменений в отношении к морально-этическим и правовым категориям является одним из наиболее сложных и масштабных аспектов истории общественного сознания. Исследование содержания и направленности этих процессов актуализирует перед историком задачу выработки адекватного инструментария работы с комплексом исторических источников, отражающих различные аспекты мировоззрения людей прошлого. Сложность ее решения связана не только с необходимостью формулировки критериев отбора исторических источников, количество которых с начала Нового времени многократно увеличивается, но и с ростом интерпретационной активности авторов исследуемых текстов, их способностью по-разному трактовать одни и те же факты и явления, как в процессе публичных дискуссий о прошлом, настоящем и будущем страны, так и в рамках повседневной межличностной коммуникации. Особую актуальность разработка принципов формирования источниковой основы имеет в связи с формированием в Европе [5], а с XVIII в. и в России элементов публичной сферы как особого пространства, способствующего расширению способов и форм межличностной коммуникации. Например, в Российской империи со второй половины XVIII в. – в условиях стремительного развития периодической печати, повышения интереса читающей аудитории к литературно-публицистическим произведениям, а также укрепления формальных и неформальных каналов обращения к властным структурам с прошениями, жалобами и проектами – произошло расширение пространства публичной коммуникации, а следовательно, и возможностей для выражения субъективного отношения к различным событиям, оценки практических действий местных администраций и решений верховной власти.

Такой рост способов проявления публичной активности обуславливает принципиальную недостаточность сложившейся в историографии модели изучения истории общественного сознания посредством обращения к текстам «великих авторов» [1, с. 6–15; 2, с. 53–122], анализ которых позволяет выявить настроения лишь наиболее образованной части общества. Конечно, выдающиеся мыслители, литераторы или государственные деятели могли выражать еще не осознаваемые современниками тенденции развития, но, чаще всего, их идеи были нетождественны пониманию актуальных социально-экономических и политических проблем даже представителями образованной части российского общества. Например, проекты М. М. Сперанского или Н. С. Мордвинова не соответствовали ожиданиям не только всего российского дворянства, но даже и достаточно небольшой группы правительственной элиты первой четверти XIX в. Следовательно, анализ ограниченного круга произведений «великих авторов» позволяет понять особенности индивидуальных представлений лишь наиболее образованных и активных индивидов, которые являлись частью общественного сознания, не отражают всего многообразия оценок и суждений по наиболее актуальным для современников вопросам. Таким образом, в результате игнорирования массы источников «среднего» и «низового уровня» происходит упрощение исторической реальности, т. к., одновременно с мнением правящего меньшинства, сосуществовали различные по своей направленности представления о возможных позитивных /негативных сценариях общественного развития в ближайшей или отдаленной временной перспективе.

Выход из сложившегося положения, на мой взгляд, требует корректировки традиционной парадигмы изучения истории общественного сознания посредством разработки новых критериев отбора исторических источников. Принципиальное значение при формировании комплекса источников имеет не только содержание, но и степень публичности, направленность аргументов и риторических приемов, которые авторы использовали для оказания определенного воздействия на читателя / слушателя. В данном контексте системообразующей категорией, позволяющей структурировать процесс поиска и группировки источников по истории общественного сознания России имперского периода, на мой взгляд, может стать концепт «социальный диалог». Содержательно он включает в себя не только непосредственное личное общение индивидов, но и публичное обсуждение современниками наиболее